

ПОЗИЦИЯ ЕПИСКОПАТА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ О РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

У статті аналізується позиція православного духовенства білоруських земель по одному з найактуальніших питань життєдіяльності православної церкви початку XX століть - перетворенні епархіального управління як основної ланки в системі функціонування «першої і панівної» конфесії. Незважаючи на незначні відмінності у вирішенні даного питання, представники кліру були єдині в одному - невідкладному перетворенні епархіального управління з подальшою передачею для рішень на місця більшої частини питань, що стосуються внутрішнього життя православної церкви: взаємини між духовенством і мирянами, проведення епархіальних з'їздів, надання фінансової допомоги і т.д. Влада Російської імперії, під впливом соціальних потрясінь 1905-1907 рр., пішла назустріч вимогам православного духовенства, задекларувавши свій намір переглянути питання про зміну епархіального управління. Однак спад соціальної напруженості і небажання правлячих кіл країни змінювати сформовані відносини з православною церквою в кінцевому підсумку зумовили відкладення вирішення питання про його реформування.

Ключові слова: білоруські землі, Російська імперія, православна церква, духовенство, єпископ, Святіший Синод, обер-прокурор, реформування епархіального управління.

In the article the position of the Orthodox clergy on Belarusian lands to one of the most urgent problems of the Orthodox Church at the beginning of the XXth century – the transformation of the diocesan administration as a fundamental link in the system of "leading and dominant" religions functioning. Despite the insignificant differences in solving this problem, the representatives of the clergy were united in one thing – urgent transformation of the diocesan administration with further solution of the most problems connected with the internal life of the Orthodox Church such as the relationship between the clergy and the laity, holding diocesan congresses, financial assistance and etc. at the local level. The Russian Empire authorities, largely influenced by social upheavals of 1905–1907, answered the requirements of the Orthodox clergy, having declared their intention to revisit the question of the changes in diocesan administration. However, the decline of social tension and the reluctance of the ruling circles of the country to change the existing relationship with the Orthodox Church eventually led to the deposition of a decision on this reform.

Key words: Belarusian lands, the Russian Empire, the Orthodox Church, the clergy, the bishop, the Holy Synod, the chief prosecutor, reform of the diocesan administration.

На рубеже XIX – XX веков население белорусских земель являлось поликонфессиональным. Доминирующим вероисповеданием в данный период было православие. По данным переписи 1897 г. на территории Беларуси проживало 5120667 православных [7, с. 252], что составляло около 60% от общей численности населения. Православные белорусы преобладали в Могилёвской и Минской губерниях, а также в большинстве уездов Витебской и Гродненской губерний [3, с. 252].

Отличительной чертой законодательства Российской империи являлось то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротерпимость. Закон разрешал исповедовать все религии, кроме «изуверческих» (скопцы, хлысты, духоборы, молокане), но при условии, что они «благословляют царствование Российских монархов» [11, с. 9-10]. В соответствии с законодательством Российской империи, на все «места и лиц, имеющих началоство по части гражданской или военной», возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми «зависящими от них средствами» различные действия, «клонящиеся к нарушению должного уважения к вере». Администрации на местах также вменялось в обязанность оказывать «нужную защиту и пособие» всем «свободно исповедуемым в империи религиям», а полиции – охранять «свободы иноверных, признанных правительством, исповеданий» [5, с. 50].

Официально провозглашённое равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все конфессии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые вероисповедания (католицизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты).

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви. Статья 40-я Основных законов гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная католическая восточного исповедания» [11, с. 9].

Главным образом первенство православной церкви выражалось в том, что российский император не мог «исповедовать никакой иной веры, кроме православной». Закон возлагал на него обязанность «быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем прав веры и всякого в Церкви святой благочиния» [11, с. 10].

В управлении православной церковью верховная власть действовала через Святейший Синод. Особенность положения православной церкви в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получал права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора, который, таким образом, стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата.

В конце XIX – начале XX столетий государство продолжало сохранять надежду на то, что церковь останется опорой существовавшего политического строя. Чиновники полагали, что интересы церкви и государства совпадают. Но многие церковные деятели видели, что они различны [4, с. 45]. Православное духовенство в своей большей части пришло к выводу о том, что положение церкви, опекаемой светской властью, является неканоничным.

Противоречивость политики российского правительства в отношении к православной церкви во время обер-прокуратуры К.П. Победоносцева заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать её деятельность, а с другой, усиленный контроль за этой деятельностью практически лишил церковь самостоятельности. Поэтому в конце XIX – начале XX веков в среде православного духовенства был поставлен вопрос о необходимости предоставления церкви реальной самостоятельности. При этом главное средство оживления церковного института виделось в восстановлении принципа соборности. Как в церковной, так и в светской печати постоянно обращалось внимание на необходимость освобождения церкви от государственной опеки. Поднимались вопросы о проведении реформ, которые должны были поднять авторитет церкви, улучшить нравственный и материальный уровень духовенства.

Предложения о преобразовании православной церкви нашли отклик в среде православного духовенства как белорусских, так и внутрироссийских земель. Они имели как общие черты, обусловленные социально-экономическими процессами российского общества рубежа XIX – XX вв., так и некоторые особенности, связанные со спецификой развития белорусской культуры, динамикой межконфессиональных отношений. Это проявилось в том, что православное духовенство в западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ. Но, несмотря на это, православное духовенство объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы она вновь стала эффективно воздействовать на сознание верующих [6, с. 5, 9].

Таким образом, в начале XX века большая часть православного духовенства осознавала необходимость реформирования церковного института. Такого рода намерения получили официальную поддержку на правительственном уровне. В указе Сенату от 6 декабря 1904 г. Николай II обратил внимание на необходимость принятия мер по восстановлению прихода, предоставив ему «твёрдое, устойчивое бытие», а прихожанам в лице приходского собрания – право устанавливать обязательные сборы для поечения, как о благолепии храма, так и о делах христианской благотворительности и проповедания [1, л. 3].

Указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. Но в нём ничего не говорилось о положении православной церкви. Это побудило столичного митрополита Антония обратиться к Николаю II с запиской «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви», в которой указал, что такой закон поставит православие в неравное положение по сравнению с другими конфессиями, поэтому «не следует ли предоставить православной церкви большей свободы в управлении её внутренними делами, где бы она могла руководствоваться церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов» [12, с. 388].

В Комитете министров при обсуждении вопроса о веротерпимости также неоднократно отмечалось, что дело борьбы православного духовенства с сектантами «стесняется различными недугами церкви», и это как раз в то время, когда в воздухе висел проект предоставления «некоторой свободы сектантам и другим исповеданиям». В таких условиях «было бы опасно не обратить внимания на положение православной церкви». В связи с этим С.Ю. Витте ходатайствовал об образовании особого собора, состоящего из представителей церковной иерархии, духовенства и мирян «для пересмотра существующего церковного управления и выработки проекта необходимых преобразований» [2, л. 47].

В начале 1905 г., в соответствии с разрешением Николая II, в Особом совещании при Комитете министров под председательством С.Ю. Витте началась разработка указа «Об укреплении начал веротерпимости». Сам председатель Комитета министров осуждал синодально-обер-прокурорскую систему и требовал созыва Поместного собора для обновления церковного организма.

Предложения С.Ю. Витте полностью отрицались обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, потребовавшим перевода церковного вопроса из Комитета министров в Синод. Но Синод не поддержал своего руководителя. 31 марта 1905 г. после трёх заседаний (15, 18 и 22 марта) Синод представил императору доклад, подготовленный без участия обер-прокурора и не одобренный им. В докладе подчёркивалась необходимость преобразования института православной церкви. В нём также испрашивалось разрешение монарха на созыв в ближайшее время в Москве Поместного собора и избрании патриарха. Тогда К.П. Победоносцев, возлагая надежду на консерватизм провинциальных епископов, от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем архиереям опросник о положении и преобразовании церкви. Но его расчёты не оправдались. Большая часть епископата высказалась в пользу реформ [10, с. 45].

Епископы пяти епархий – Полоцкой, Минской, Могилёвской, Виленской и Гродненской, расположенных на белорусских землях, также в своих отзывах высказались за проведение преобразований в православной церкви.

Так, они поддержали идею о реорганизации епархиального управления. По этому вопросу с их стороны высказывались различные предложения. Епископ Минский Михаил выступал за «освобождение консистории от ненужной обременённости» через предоставление ей большей самостоятельности «в канцелярском делопроизводстве». Решение по тому или иному вопросу принимало окончательный характер только после утверждения епископа. Чтобы члены консистории не были отвлекаемы от епархиальных дел «освобождались от приходской службы. Для привлечения в консисторию «лучших сил» следовало пересмотреть имеющиеся штаты и улучшить «материальное положение служащих». Проведение этих мероприятий в жизнь, по мнению епископа, «устраняло потребность» в наличии какого-либо органа при архиереях [8, с. 74].

Епископ Могилёвский Стефан находил, что для «улучшения епархиального управления» следует как можно шире его децентрализовать, образовав небольшие административные единицы, которые самостоятельно занимались бы решением дел, «подлежащих ныне ведению епархиального центрального управления» и служили бы собирательным элементом для «представительства приходских общин в епархиальных соборах». Согласно его точке зрения, подходящей формой для такой децентрализации являлись «благочиннические округа», в которых, помимо коллегиально-административного органа – благочиннического совета, состав которого наряду со сферой компетенции подлежал расширению, необходимо было образовать «высший соборный распорядительный орган – окружное благочинническое собрание представителей церковных общин». Оно состояло из председателя – благочинного, чья должность являлась замещаемой епархиальной властью, представителей духовенства и мирян – по два от каждой общины. Его деятельность протекала параллельно общеприходскому собранию. В круг вопросов благочиннического собрания входили: церковно-хозяйственные – оказание помощи денежной помощи вдовам и сиротам округа,

содержание окружных благотворительных и просветительских учреждений, производство распределения налогов с церкви; религиозно-правственные – все принятые им решения в данной области предоставлялись епископу для утверждения; избирательные – из среды должностных лиц округа выбиралось два члена благочиннического совета и два кандидата к ним, а также представителей от округа для участия в епархиальном соборе. В благочинническом совете решающими голосами обладали представители духовенства, а их коллеги от мирян имели только совещательный голос, но могли апеллировать к епископу в случае, когда «решение духовных членов совета противоречило их совести и разумению». Расширение сферы компетенции советов возможно было достигнуть следующим путём: «всё, что может быть решено на месте», передавалось в ведение данного органа. Решения, принятые советами, пересмотру в более высших инстанциях не подлежали. Если и требовалась какая-нибудь санкция, то она должна была исходить от епископа. Перечень дел, подлежащих решению советами, устанавливал епархиальный собор. Епархиальное управление состояло из высшего органа – епархиального собора и административно-исполнительных органов – пресвитерского совета, училищных советов, правлений духовно-учебных заведений. Епархиальный собор возглавлялся местным епископом. В его состав входили как священники, так и миряне – избранные по одному от каждого округа. Сами соборы представляли собой «постоянный, обязательно и периодически функционирующий» орган. В сферу дел собора входили «все стороны жизни епархиальной церкви»: избрание и отстранение от должности начальства духовно-учебных заведений, членов консистории, председателей правления свечного завода, попечительства о бедных духовного звания, обсуждение и принятие решений по делам «веры и нравственности» в епархии, самообложение с доходов церквей на общепархиальные нужды, избрание представителей для участия в митрополичьих и поместных соборах. Консистория подлежала разделению на два ведомства – канцелярию (в её компетенции оставались только маловажные дела) и присутствие (сюда переходили более важные дела – касающиеся имущества и чести «заинтересованных в деле лиц»). В последнем случае епископ становился её председателем, а консистория действовала как совещательный орган при нём. Присутствие собиралось для обсуждения вопросов два раза в неделю, канцелярия – чаще. Пресвитерский совет раз в неделю собирался в расширенном составе. Расширение происходило за счёт участия в нём начальников всех епархиальных учреждений. В его ведении находились доклады от данных учреждений, назначение на должности священников [8, с. 129-133].

Епископ Полоцкий Серафим выдвинул идею об объединении органов епархиального управления – консистории, училищного совета по церковно-школьным делам, епархиального попечительства о бедных, миссионерского комитета «в интересах направления деятельности этих учреждений к более правильному и согласованному действию» в одно целое. Согласно его взгляду, целесообразным было бы «слить все административные учреждения с главным органом управления в епархии – консисторией», который мог бы «соображать всю совокупность дел и интересов» названных учреждений, направляя их к «правильному и согласному действию». Укрупнение повлекло бы за собой рост делопроизводства, в связи с чем состав постоянного присутствия консистории, переименованной в епархиальное правление во главе с епископом, увеличился на 2-3 человека, а состав служащих канцелярии – на 2 стола «с особыми делопроизводителями и потребным количеством писцов». Для согласованности деятельности консистории с нуждами епархии было желательным избрание на епархиальном съезде духовенством в дополнение к числу постоянных членов присутствия ещё 2-3-х временно присутствующих священников. По мере оставления постоянными членами своих мест, на них назначались бы кандидаты, также избираемые духовенством епархии. По мнению епископа, такой порядок «ускорил бы рассмотрение и решение дел, дал бы епископу возможность непосредственно ознакомиться с деятельностью этого органа, выявить его слабые и сильные стороны, также «устранил бы возможность посторонних влияний на направление и исход дел и способствовал бы сокращению производства и переписки». Такой принцип объединения можно было бы использовать на «нижнем уровне» – в каждом уезде епархии, передав туда для решения «известный круг дел» [8 с. 203-206].

Епископ Гродненский Никанор считал, что епархиальное управление «должно быть совершаемо через совет при епископе», а все важные дела «могут быть разрешаемы» на ежегодном епархиальном соборе духовенства и мирян, некоторые из них могли также передаваться в «митрополичьи советы и областные соборы» [8, с. 225].

По мнению архиепископа Литовского Никандра, главным органом епархиального управления должен был стать епархиальный собор, созываемый «по мере надобности, епископом и функционирующий под его управлением или уполномоченного от его имени лица. В состав епархиального собора входили представители духовенства и мирян. Епископом «при содействии состоящего при нём вспомогательного органа управления» намечались вопросы, «подлежащие обсуждению на соборе, разрабатывалась программа его деятельности. На соборе решались «все важнейшие вопросы веры и благочестия, церковной жизни, дисциплины», а также в пределах епархии «дела экономические». Собору была подконтрольна деятельность всех «епархиальных учреждений и административных лиц: пресвитерията, имеющего заменить консисторию, духовно-учебных заведений, епархиального попечительства о бедных духовного звания, свечного завода, эмеритальной кассы». Он же на три года избирает членов вышеперечисленных учреждений и освобождает их от занимаемой должности по истечении срока, производит самообложение с доходов церквей на потребности епархии и выдвигает уполномоченных для участия на митрополичьем и поместном соборах. Для оказания содействия епископу в управлении делами епархии избирается «особый епархиальный совет», состоящий из 3-9 священников. Этот орган аккумулирует в себе все епархиальные учреждения – консисторию, училищный совет, попечительство о бедном духовенстве. Он состоит из трёх отделов: церковного (забота об умственном и нравственном состоянии духовенства, наблюдение за исполнением священниками своих прямых обязанностей, и др.); училищного (заведывание за школами, находящимися на содержании у епархии, наблюдение за всеми духовно-учебными заведениями); хозяйственный (контроль над епархиальными материальными средствами). В каждом отделе председательствует епископ, либо его заместитель «из старейших и заслуженнейших протоиереев епархии». Могут проходить и общие заседания «по особо важным вопросам» с участием членов всех трёх отделений, для которых устанавливалась единая канцелярия во главе с секретарём, имеющим «высшее богословское образование». Он назначался синодом, а остальные должностные лица канцелярии утверждались в должностях епископом. При этом отдельные отрасли делопроизводства могли поручаться находящимся на государственной службе столоначальникам. К работе в канцелярии привлекались и светские лица. Им поручалось заведование финансами, архивом, могли заниматься они и регистрацией документации [9, с. 331-332].

Таким образом, активизация религиозной жизни в Российской империи и на белорусских землях в начале XX столетия поставила на повестку дня вопрос о реформировании института православной церкви. Одной из главных составляющих данного вопроса являлась проблема реорганизации епархиального управления. Православное духовенство как российских, так и белорусских земель выступало за неотложное решение данной проблемы, предлагая комплекс мер, которые, по его мнению, должны были в конечном итоге способствовать укреплению позиций «первенствующей и господствующей» конфессии. Однако власти, заинтересованные в сохранении сложившегося статус-кво во взаимоотношениях с православной церковью не посчитали необходимым изменять их. В результате предложения об изменении епархиального управления остались невостребованными.

Источники и литература

1. ГАРФ. – Ф. 1729. – Оп. 1. – Д. 139. Указ Николая II Правительствующему Сенату о преобразовании Правительствующего Сената и Комитета Министров, пересмотре Положения о земских учреждениях, принятии мер к возрождению церковно-приходских общин, пересмотре законов о печати, усилении полицейского режима 1903 г.
2. ГАРФ – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 413. Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте о необходимости образовать особое совещание из представителей православной церковной иерархии и сведущих лиц для пересмотра существующего церковного управления и выработки проекта преобразований 1904–1905 гг.

3. Гринблат, М. Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории / М. Гринблат. – Минск: Наука и техника, 1968. – 288 с.
4. Канингем, Д.В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д.В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London: Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
5. Ключков, В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. В.В. Ключков. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.
6. Кожич, Н.М. Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности: автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.03 / Н.М. Кожич; Гос. науч. учреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.
7. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Троицкого. – СПб.: Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
8. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 1 / ист. введ. А.Ю. Полунова, И.В. Соловьева. – 1031 с.
9. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 2. – 1056 с.
10. Поспеловский, Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42–55.
11. Свод Законов Российской империи: в 13 т. – СПб.: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – Т. 1: ч. 1: Основные государственные законы. – С. 1–73.
12. Фёдоров, В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700–1917 гг. / В.А. Фёдоров. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.